

Троицкий вариант. Наука.

05.04.2022 / № 350 / с. 6–7 / Мария Елифёрова / Гуманитарные науки /

Иллюстрация к «Одиссее». Римская фреска I века до н.э.

Мария Елифёрова

Об опасностях, подстерегающих лексикографа

Ни в коей мере не собираясь возвращаться к навязшей в зубах дискуссии о «винноцветном море» Гомера и о гипотезе лингвистической относительности, разберем один пример того, как рождаются лексикографические фантомы в области цветообозначений. Появление подобных фантомов обусловлено

простым фактом — лексикографы либо не понимают специфики поэтического слова, либо не знают контекста, очевидного для времени и места создания литературного произведения.

Постановка вопроса

Латинское прилагательное *caeruleus*, производное от слова *caelum* 'небо', означает «небесный», а также «голубой, синий». Однако словари уверенно включают в список его значений также «темно-зеленый». В этом сходятся как латинско-русский словарь И. Х. Дворецкого ¹, так и латинско-английский словарь Льюиса и Шорта ². Рассмотрим подробнее примеры, которые предлагаются в этих словарях.

Прежде всего бросается в глаза то, что структура статьи Дворецкого и весь порядок приведенных значений и примеров в целом повторяют словарную статью Льюиса и Шорта, хотя по объему она несколько меньше, а также не содержит разграничения «прямых» и «переносных» значений слова *caeruleus*, которое имеется в англоязычной статье (тем не менее порядок и группировка значений, а также порядок примеров во многом совпадают). Если учесть, что словарь Дворецкого впервые вышел в 1949 году, на пике пресловутой «борьбы с космополитизмом», когда ссылки на западных предшественников могли навлечь на авторов неприятности, весьма правдоподобным выглядит предположение, что Дворецкий попросту воспользовался материалами старого латинско-английского словаря без указания на источник.

У Дворецкого присутствуют два примера на предполагаемое значение «темно-зеленый» — из Овидия и из Энния, лаконично обозначенные как *arbor Palladis* 'древо Паллады' и *prata* 'луга'. Оба эти примера есть и у Льюиса и Шорта, которые дают пример из Энния в более развернутом виде: *campi caerulea laetaque prata* («[по] равнин темно-зеленым [?] изобильным [либо цветущим] лугам»). Помимо них, Льюис и Шорт дают еще два примера — как эпитета к существительным *cucumis* 'огурец' (из Проперция) и *coma* 'волосы' (из того же Овидия).

Льюис и Шорт, однако, тоже опирались на чужой словарь, хотя, в отличие от Дворецкого, добросовестно указали авторство первоисточника. В основе их словаря лежит латинско-немецкий словарь Фройнда 1848 года, что обозначено и в выходных данных, и на титульном листе, и в предисловии. Обращение к Фройнду показывает, что «исправления и дополнения», о которых говорится у Льюиса и Шорта, зашли чрезвычайно далеко. На значение «темно-зеленый» (*dunkelgrün*) Фройнд дает лишь два примера, оба из «Метаморфоз» Овидия, и только один из них совпадает со списком Льюиса и Шорта (пример с «волосами», где текст Овидия не цитируется вовсе) ³. Второй пример Фройнда, с пространной цитатой (*baccis caerulea tinus*) у Льюиса и Шорта присутствует, но перекочевал в список примеров на значение «темный».

Итак, толкование прилагательного *caeruleus* как «темно-зеленый» восходит по меньшей мере к середине XIX века, составители словарей переписывают его друг у друга, однако в списках примеров наблюдается странный разнобой. Общий знаменатель, однако, присутствует — все эти примеры взяты из поэзии.

Если суммировать все разночтения словарей, у нас насчитывается пять случаев предположительного употребления *caeruleus* в значении «темно-зеленый». Попробуем более подробно рассмотреть их в контексте.

1. Волосы Тмола

Начнем с «волос» — примера, унаследованного Льюисом и Шортом от Фройнда, но выпущенного у Дворецкого. Речь идет о «Метаморфозах» (11: 157–159), где старец-судья (*senior iudex*) Тмол восседает в дубовом венке:

*quercu coma caerulea tantum
cingitur.*

В русском переводе С. В. Шервинского это передано так:

...одним лишь увенчаны дубом
Сизые волосы... ⁴

Сближение «голубого» и «сизого» выглядит вполне естественным: по-русски «голубь» и «сизарь» обозначают одну и ту же птицу, а животные (например, кошки) и растения (например, ели) сизого цвета могут описываться как «голубые». Не менее естественно для волос старика быть «сизыми», а не «темно-зелеными». Несомненно, перевод Шервинского верен, а в лексикографическую традицию закралась ошибка. Фройнд, не приводя саму цитату, пишет: «*von dem Haare des Berggottes (den Baumen)*» («о волосах горного бога (деревьях)»). Немецкий лексикограф вчитал в античный текст метафорику романтической поэзии (деревья как волосы горы), смешав прическу горного божества Тмола с его венком. На самом деле дубовый венок был вполне конкретной реалией античного быта. Вероятно, Овидий отсылает не к римской традиции *corona civica* (дубового венка, которым награждали военных за спасение жизни римского гражданина), а к греческим дубовым венкам, которые посвящали Зевсу. Седовласый Тмол, восседающий на горе в дубовом венке, уподобляется Зевсу с атрибутами власти — к тому же он по происхождению внук Зевса, так что образ замыкается в целостную систему.

Следовательно, один из примеров на значение «темно-зеленый» — мнимый и обусловлен романтической фантазией немецкого лексикографа середины позапрошлого века, к которой его последователи отнеслись некритично. К чести Дворецкого, в его словаре этот курьез отсутствует. Возможно, Дворецкий намеренно устранил ошибку.

2. Плоды калины

Второй пример Фройнда, который, как мы помним, отсутствует у Дворецкого, а у Льюиса и Шорта перенесен под значение «темный»: *baccis caerulea tinus* («тинус с темно-зелеными [темными?] ягодами»). Это пример из тех же «Метаморфоз» (10: 98). Для того чтобы понять, в каком значении здесь употреблено слово *caerul(e)us*, логично для начала разобраться, что такое тинус.

Здесь царит полная путаница. Верный своей привычке — не переосмыслять слово *caerul(e)us* — Шервинский перевел это место так: «в плодах голубых лавровишня». Однако плоды лавровишни (*Prunus laurocerasus*) вовсе не голубые, а чисто черные. Дворецкий включил в словарь *tinus* отдельной статьей под странным определением «тин, разновидность лавра» ⁵. Так как он ссылается на Овидия, очевидно, что он учел это место из «Метаморфоз», но предпочел не разбираться в значении слова *caerul(e)us*. Не менее очевидно, что с профессиональными ботаниками он не консультировался, хотя даже в СССР 1949 года такая возможность была. Посмотрим, как обстоят дела в иностранных словарях.

Калина лавролистная (Viburnum tinus). «Википедия»

Фройнд поясняет *tinus* как ‘der lorbeerartige Schneeball’, то есть «лавровидная калина»⁶. Льюис и Шорт приводят полное современное ботаническое название по Линнею — *Viburnum tinus*, ссылаясь также на ряд упоминаний этого растения у Плиния Старшего и в других непоэтических текстах⁷. Пример с *baccis caerulea* ими в этой статье тоже не забыт.

По названию *Viburnum tinus* растение проверяется легко: это калина лавролистная, коренное растение Средиземноморья. Ее плоды покрыты плотным голубым налетом (фото легко найти в «Википедии»).

Итак, немецкий и английский лексикографы правильно определили растение, но, так как они никогда не видели его плодов в свежем виде, сочли невозможным для *caerul(e)us* значение «синий» и принялись измышлять варианты «темно-зеленый» или «темный». Однако, как оказывается, Овидий совершенно точен в описании ягод калины и отнюдь не путает синий с зеленым или просто темным. Это демонстрирует нам, насколько важно доверять поэтическому тексту и дотошно разбираться в описываемых реалиях. Жителям северных европейских стран до эпохи телефона и Интернета было простительно не знать, как выглядят ягоды средиземноморского вида калины. Непростительно, что их ошибки до сих пор не исправлены.

Следовательно, и этот пример значения «темно-зеленый» для *caerul(e)us* мнимый. Перейдем к примерам, общим у Дворецкого и у Льюиса и Шорта.

3. Древо Минервы

Как мы помним, один из них — *arbor Palladis*. Это цитата из «Науки любви» (2: 518), которая в полном виде звучит так:

Caerula quot bacas Palladis arbor habet

В переводе М. Л. Гаспарова:

Сколько синих маслин древо Минервы дарит...

Итак, Гаспаров переводит это прилагательное как «синий» и относит к плодам дерева (*bacas*). К сожалению, в переводе имеет место грамматическая небрежность: *caerulea* во множественном числе accusativa может относиться только к среднему роду, а *bac(c)a* «ягода» — женского рода, что видно даже из окончания

формы *basas*. Единственное грамматически правдоподобное прочтение формы *caerula* — как единственного числа номинатива женского рода, то есть это прилагательное относится к существительному *arbor*, и правы составители словарей.

Олива европейская (*Olea europaea*). «Википедия»

Что такое *arbor Palladis*? Гаспаров считает его оливой (что ясно как из самого перевода, так и из примечания к нему), и это мнение общепризнано⁸. Но если плоды оливы можно назвать «синими» с натяжкой (полузрелые маслины — фиолетового оттенка), то с характеристикой самой оливы как «темно-зеленой» дело обстоит еще хуже. Как нарочно, олива именно то дерево, к которому эпитет «темно-зеленый» подходит меньше всех. Цвет листьев оливы европейской, или культурной, — серебристо-сизый с голубоватым отливом, он настолько характерен, что оливковые рощи трудно спутать с другими насаждениями. Ель с хвоей такого цвета носитель русского языка уверенно назовет «голубой», а не «темно-зеленой». Таким образом, все три примера из Овидия на поверку оказываются ошибочными. Овидий в цветовых характеристиках точен и распространяет понятие голубого на сизый цвет, но не на зеленый. Филологов северных широт подвело незнакомство с окраской живых растений Средиземноморья.

4. Синие луга

Справедливо будет задаться вопросом, верны ли оставшиеся два примера — с лугами и огурцом.

Первый пример, который дают как Дворецкий, так и Льюис с Шортом, взят из фрагмента Энния, известного под заглавием *Moribus antiquis res stat Romana virisque*. Это заглавие стало самостоятельным афоризмом и на русский язык переводится по-разному — «Нравами предков сильна и могуча республика римлян» (С. А. Ошеров) или «Древний уклад и мужи — вот римской державы опора» (В. О. Горенштейн). Полный русский перевод фрагмента нам пока недоступен, но для наших задач это не принципиально.

Дословно нужная строка звучит так:

fert sese campi per caerula laetaque prata

несется по равнин [полей?] темно-зеленым [?] и изобильным [цветущим?] лугам

Речь идет о коне, который вырвался из конюшни на волю и наслаждается свободой. «Зеленые луга», клише европейской литературы и фольклора Нового времени, — это

луга в поймах рек, подвергающиеся регулярному выпасу коров и овец и/или скашиванию на сено. Но входило ли это клише в культурные стереотипы древних римлян?

В современной европейской культуре понятие «луга» ассоциируется с дикой природой, однако римляне, за нехваткой влажных земель, зачастую возделывали *prata* искусственно. Колумелла посвятил целый раздел искусственным лугам в своем трактате «О сельском хозяйстве» (II: 17–18).

Стоит обратить внимание на то, что *laetus* может означать и «изобильный», и «цветущий». Цветущий луг может быть в принципе любого цвета, какого бывают цветки луговой растительности в данном климате. Что это за растительность?

Сам Колумелла рекомендовал засеивать *prata* вики с добавлением семян туманно обозначенного «сена» (*viciam permixtam seminibus foeni*). Цветки вики не синие и редко расположены. Что ещё могли сеять римляне на своих лугах?

Люцерна посевная (Medicago sativa). «Википедия»

Есть одна безусловно подходящая кандидатура — люцерна посевная (*Medicago sativa*), известная также под названием люцерны синей. Эта культура была отлично знакома римлянам и использовалась именно для кормления коней⁹. Римляне не поняли бы шутку Чехова насчет «лошадиной фамилии» Овсов — овес станет лошадиным кормом by default только в Средневековье, до этого его место занимала люцерна. В современной сельскохозяйственной практике люцерну нередко скашивают до цветения, но римляне могли дожидаться максимального набора зеленой массы и убирать люцерну цветущей¹⁰.

Сочетание сине-фиолетовых цветков с темно-зелеными листьями на люцерновом поле, особенно уходящем вдаль, будет создавать общее впечатление синей дымки. Колумелла включает люцерну (*medica*) в список кормов для скота (*pabula*), а *pabula*, согласно его тексту (II: 11), выращиваются на культивируемых *prata*. Это косвенно подтверждает, что люцерновые поля именовались *prata*, а также объясняет отождествление *campi* и *prata* у Энния: *campus* следует понимать именно как «поле», а не как «равнина».

Впрочем, это могли быть и посевы люпина, который до сих пор культивируется в качестве корма для скота. Колумелле люпин известен, он упоминает его часто, хотя не останавливается на подробностях. В Средиземноморье культивировались несколько видов люпина, из которых нам интереснее всего люпин узколистный

(*Lupinus angustifolius*) с цветками небесно-голубого цвета, которые идеально описываются прилагательным *caerul(e)us*.

Люпин узколистый (Lupinus angustifolius). «Википедия»

Синий цвет объективно, в силу особенностей рассеяния света в атмосфере Земли, ассоциируется с далью и простором. Вспомним хрестоматийное «Несет меня лиса за синие леса». Было бы опрометчиво утверждать, что русская сказка не отличает синий от зеленого: синие леса — это дальние леса, как может убедиться всякий, кто видел полосу леса на горизонте. Образ «синих цветущих лугов» у Энния чрезвычайно емкий: это одновременно и богатые пищей для коня поля бобовых, и уходящие вдаль просторы.

Таким образом, в четырех из пяти словарных случаев не находится никаких подтверждений тому, что римляне использовали слово *caerul(e)us* в значении «темно-зеленый» или не отличали зеленый цвет от синего. Все цветообозначения укладываются в современные представления о том, какие оттенки лежат в диапазонах «голубого» и «синего», и находят систематические параллели в русском литературном языке.

5. Мохнатый огурец

Выбивается из этой картины только пример с «огурцом» у Проперция. Это условно обозначаемая 2-я элегия 4-й книги, написанная от лица бога земледелия Вертумна. Полностью строка звучит так:

caeruleus cucumis tumidoque cucurbita uentre

темно-зеленый [?] огурец и пузатая тыква

Огурцы как будто не бывают ни голубыми, ни сизыми. Однако необходимо более основательно разобраться в римском овощеводстве. В конце концов, далее

у Проперция следует упоминание «связанной тростником капусты» (*iunco brassica uincta*), что для современного читателя звучит не менее странно, чем «голубой огурец». Дело в том, что римлянам была неизвестна наша кочанная капуста; римская капуста была листовой ¹¹. Вероятно, листовую розетку связывали тростником для поддержания формы, что еще недавно практиковалось при выращивании листового салата ¹².

О возможности существования голубоватого или сизого сорта огурцов сведений нет — ни исторических, ни ботанических. Но есть немалая вероятность, что Проперций имел в виду не огурец, а разновидность тыквы или дыни. У дынь и тыкв бывает кожура такого цвета, но историческая и научная таксономия тыквенных Старого света довольно запутанна: латинским словом *cucurbita* ныне обозначаются американские тыквы, неизвестные в Европе доколумбовой эпохи, а дыню включают в род Огурец (*Cucumis*). Но в классической латыни, судя по археологическим данным, слово *cucurbita* обозначало тыкву-горлянку (ныне причисляемую к роду *Lagenaria*), завезенную в Европу из Азии в римскую эпоху ¹³. Тыквы-горлянки, в отличие от современных тыкв американского происхождения, не бывают голубоватых оттенков, и это согласуется с тем фактом, что сочетания *cucurbita caerulea* в римской литературе не встречается.

Словари не дают для слова *cucumis* значения «тыква» или «дыня», однако есть явные текстуальные доказательства того, что этим словом мог называться не только огурец. Вергилий в «Георгиках» (IV: 123) пишет: *cresceret in ventrem cucumis* («вздувается пузом *cucumis*»). *Ventur* «пузо» — явный признак чего-то более похожего на тыкву или дыню, чем огурца. С. В. Шервинский при переводе этого места выбрал «тыкву», хотя, как мы уже увидели выше, с тыквами в Риме дело обстояло непросто.

В начале XXI века два специалиста по истории растениеводства, Гарри Пэрис и Жюль Дженик, усомнились в том, что римляне вообще знали огурцы. Авторы не нашли свидетельств того, что огурцы, *Cucumis sativus*, были известны в Европе до XIV века. По их мнению, перевод слова *cucumis* как «огурец» восходит к ошибке эпохи Возрождения. Пэрис и Дженик собрали упоминания *cucumis* в сельскохозяйственных и медицинских трактатах римского времени, и обнаружилось, что описания этого овоща расходятся с привычными нам сведениями о внешнем виде и свойствах огурца ¹⁴. В частности, уже упомянутый Колумелла в стихотворном фрагменте описывает *cucumis* как «синеватый» и «мохнатый» (в оригинале *lividus* и *hirtus*, X: 389) ¹⁵. Итак, у главного римского эксперта по агрономии огурцы не только синие, но и мохнатые! Это уже никак нельзя списать на поэтическую вольность или экзотику архаического мышления...

Однако, как указывают Пэрис и Дженик, этому описанию полностью отвечают дыни, *Cucumis melo*. Сорта дынь с сизо-голубоватой кожурой известны и в наше время, а завязь дыни — пушистая. Римляне, по-видимому, ели молодую завязь дынь, как мы едим огурцы. Кроме того, их репертуар сортов отличался от нашего — мы воспринимаем дыню в первую очередь как сладкий десерт, а римляне разводили преимущественно несладкие, овощные сорта, в том числе длинноплодные, «огуречной» формы. Филолог здесь обратит внимание на то, что слово *melo*, которое служит современным видовым обозначением дыни, греческого происхождения и появилось в латыни в позднюю эпоху, лишь в IV веке н. э. Ранее бытовал более длинный грецизм *melopepo*, букв. «яблочная дыня». Сам факт того, что для обозначения сладкой дыни понадобилось специальное заимствованное слово, подчеркивающее сладость (через сравнение с яблоком), свидетельствует, что нормой для римлян была несладкая дыня, употреблявшаяся как овощ.

Вывод

Наше исследование проблемы «голубого огурца» завело нас далеко. Но если Пэрис и Дженик правы, то и последний пример прилагательного *caerul(e)us* якобы в значении «темно-зеленый» оказывается фикцией. Римляне не путали цвет неба с зеленым. Они могли распространять его название на сизые и синеватые оттенки, но это происходит и в современных языках.

Мария Елифёрова,
канд. филол. наук

¹ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд-е 11-е. М.: Рус. яз. Медиа, 2008. С. 112.

² A Latin Dictionary. Founded on Andrews' edition of Freund's Latin dictionary. Revised, enlarged, and in great part rewritten by Charlton T. Lewis, Ph.D. and Charles Short, LL.D. Oxford. Clarendon Press. 1879. P. 265.

³ Dr Wilhelm Freund's lateinisch-deutsches und deutsch-lateinisch-griechisches Schulwörterbuch. Erster, lateinisch-deutscher Theil. Berlin, 1848. S. 166.

⁴ Здесь и далее цитаты из латинской поэзии и ее русских переводов приводятся по ресурсу ancientrome.ru/, где даны все выходные данные соответствующих бумажных изданий.

⁵ Дворецкий. С. 774.

⁶ Freund. S. 923.

⁷ Lewis & Short. P. 1873.

⁸ См. напр.: Stannard J. *Pristina Medicamenta: Ancient and Medieval Medical Botany*. / Ed. by K. E. Stannard, R. Kay. Aldershot, Great Britain; Brookfield, Vermont: Ashgate, 1999. P. 44; Martin R. D. *Notes on the Works of John Donne*. Toronto: Coles, 1971. P. 86.

⁹ Байнум У., Байнум Х. *Выдающиеся растения, которые изменили нашу жизнь* / Пер. с англ. С. Бавина под ред. М. Елифёровой. М.: Колибри — Азбука-Аттикус, 2019. С. 46.

¹⁰ Подробный обзор римских практик выращивания и уборки люцерны см. L. Junius Moderatus Columella. *Of Husbandry: In Twelve Books: and His Book Concerning Trees*. Transl. into English with several illustrations from Pliny, Cato, Varro, Palladius and other ancient and modern authors. London, 1745. P. 80–81, note 3.

¹¹ Байнум У., Байнум Х. С. 74.

¹² A Companion to Latin Studies / Ed. by Sir John Edwin Sandys. Cambridge: Cambridge University Press, 1921. P. 79. Практика формировать салат путем связывания не исчезла и в наши дни среди огородников-любителей: по запросу в Интернете на английские слова *lettuces tied up* обнаруживаются форумы, где пользователи спрашивают, нужно ли завязывать салат, чтобы он образовал кочаны.

¹³ Schlumbaum A.; Vandorpe P. A short history of *Lagenaria siceraria* (bottle gourd) in the Roman provinces: morphotypes and archaeogenetics // Vegetation History and Archaeobotany. 2012. Vol. 21. P. 499–509.

¹⁴ Paris H. S., Janick J. What the Roman emperor Tiberius grew in his greenhouses // *Cucurbitaceae* 2008, Proceedings of the IXth EUCARPIA meeting on genetics and breeding of Cucurbitaceae (Pitrat M, ed), INRA, Avignon (France), May 21–24th, 2008. P. 33–41.

¹⁵ Ввиду труднодоступности текстов Колумеллы, указываем издание в Интернете, по которому можно сверить оригинал: L. Junii Moderati Columellae De re rustica: Libri XII, Tomus I. Curante Jo. Matthia Gesnero. Mannhemii: Cura & Sumptibus Societatis literatae, 1781. P. 232.